

СПАСИБО ТЕБЕ, МИША ГАРКАВИ!

В ЦЕНТРАЛЬНОМ доме работников искусства состоялась вечер памяти выдающегося артиста советской эстрады Михаила Наумовича Гаркави в связи с семидесятой годовщиной его рождения.

подражателям пришли люди, увлеченные трибунностью Владимира Маяковского — Николай Павлович Смирнов-

ПИШУ эти строки для «Вечерней Москвы». Именно для нее, потому что человек, о котором пишу, был известен именно Москве вечерней. Она его знала несколько десятилетий. Он ее радовал и забавлял. Он шутил с ней. А с Москвой, как известно, шутки плохи. Сама засмеется, а то и зашикает, отвернется, забудет. Бросить ей острое словцо без риска попасть впросак мог лишь тот, кто сам ее хорошо знал и любил. Таким был Михаил Гаркави. И Москва платила ему взаимностью.

Сокольский, Михаил Гаркави и другие. Они-то и стали реформаторами разговорного жанра на эстраде.

Когда он выходил на сцену, огромный, толстый, но поразительно легкий в движениях, с широким, свободным жестом и милой, лукавой улыбкой на лице, то даже те, кто видел его множество раз, не могли удержаться от возгласа приятия. Михаил Гаркави был «своим парнем» — человеком московских кровей, плоть от плоти своего родного города, одной из его достопримечательностей.

Не было концертной площадки в городах Советского Союза, с которой не выступал бы в своих поездках по стране Михаил Гаркави. Но он обожал Москву и, воротясь из дальних странствий, веселый, довольный, выходил на ее улицы проверять: «Ну, что нового в городе?». Водители такси, едва завидев его на тротуаре, тормозили у обочины и, отворив дверцу, кричали: «Гаркави подвезти!». В магазине продавщицы, приметив его в толпе у прилавка, счастливо улыбались и возглашали: «Гаркави, без очереди!».

Никто не знал, сколько ему лет. Шли годы, а он не менялся внешне: все такой же округлый, сияющий добродушным лицом, царь-конферансье — вроде царь-пушки, только он все еще стрелял ядрами остроты и к нему не водили экскурсантов. Но как артисту эстрады ему было столько же лет, сколько и Советскому государству. В первые же годы революции он появился на московской эстраде и стал одним из тех, кто сплавил изысканность столичных конферансье с будничной речью нового зрителя, интеллигентность с демократизмом. На смену салонному Никите Балиеву из старой «Летучей мыши» и его многочисленным

Миша не знал, что такое «хватит». Он работал. В садах, парках, на ВДНХ, в «Эрмитаже», на шефских концертах, в воинских частях. Он выходил, выбегал на сцену, округлый, красивый, всегда молодой, секунду выжидал аплодисментов, вперив в зал смеющиеся глаза: «Я с вами, мои друзья». Конферансье-коммунист, он повез на фронт Отечественной войны первую эстрадную бригаду, и грудь его была украшена боевым орденом.

Он был легким, веселым человеком, а умирал тяжело и трудно.

У москвичей хорошая память. Они перенесли немало невзгод, но у них было много радости и счастья. Давайте же сегодня помянем добрым словом старого москвича, чье искусство не один год нас радовало и развлекало. Давайте скажем спасибо нашему Мише Гаркави.

Александр КРИВИЦКИЙ.